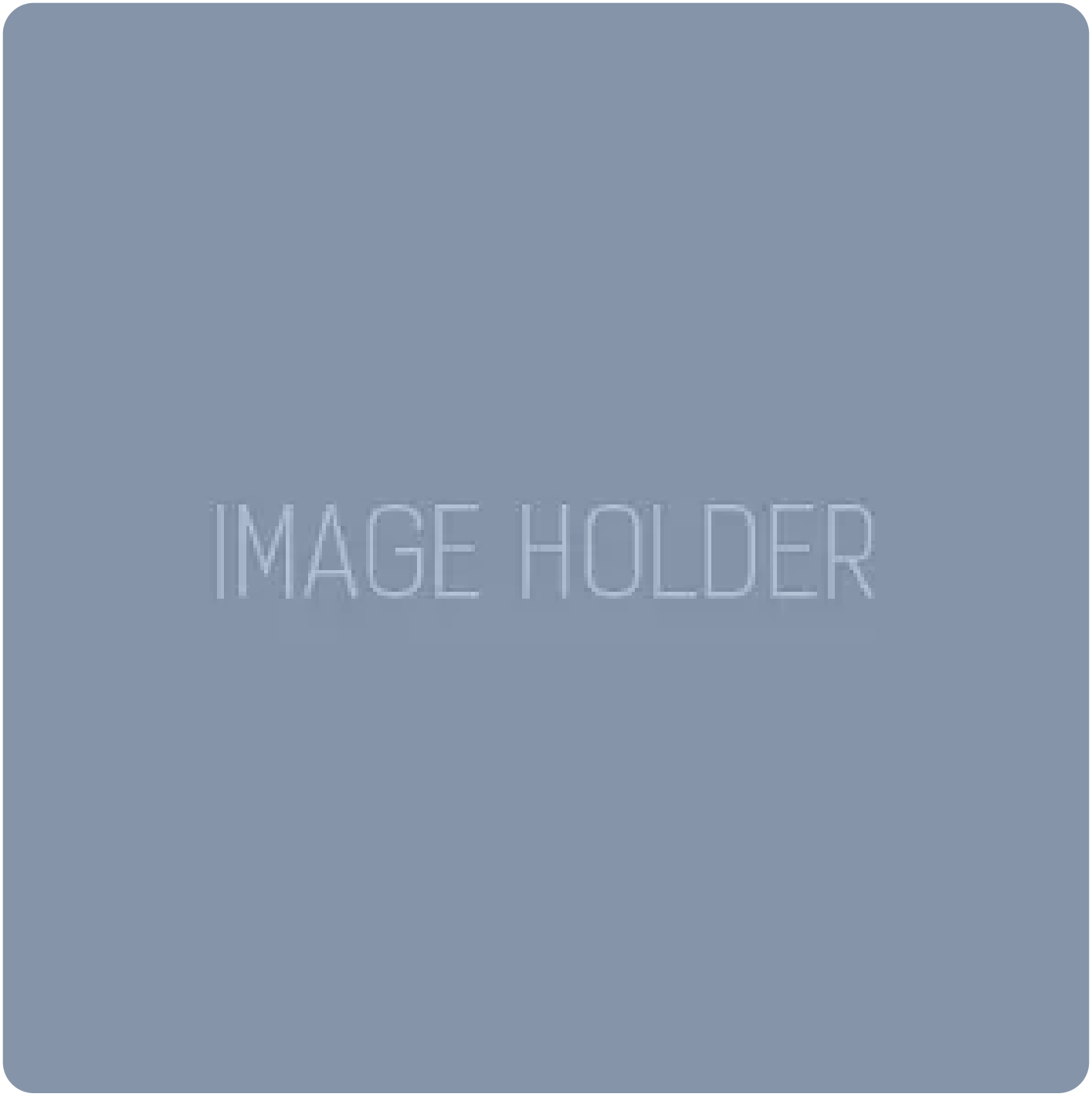

Бабусины рассказики

Жанр произведения: Другое

Произведение написал автор BookBox Константин Измайлов

Ссылка на публикацию

ИЗМАЙЛОВ КОНСТАНТИН ИГОРЕВИЧ БАБУСИНЫ РАССКАЗИКИ ЦАРЬ Я городская — в Златоусте родилась. Впечатлений детских много: службы праздничные в церквах, ярмарки по осени, воскресные гулянья на площади... Весело было! Праздники были настоящие: всем миром веселились. Папа меня всегда с собой везде брал... Помню утром нарядили меня во всё праздничное. И родители нарядились. Папа и мама молодые, красивые! Вышли на улицу — весь город

гудит: народу на улицах много, все нарядные, красивые, везде флаги, духовенство всюду с образами в золотых окладах, полиция на конях, кони чистые, подстриженные... Пришли на вокзал. Народу — тьма тьмущая! И все толпятся — яблоку негде упасть. Папа меня на руки поднял — высоко! Смотрю, поезд прибывает. Оркестр заиграл. Генералы дверцы открывают и живой царь Николай выходит. Ой, не описать словами какой — слов не подобрать! Словом, царь наш батюшка родимый, которого я только на картинках видала! — Ой, — кричу, — ведь это батюшка-государь наш — живой! А родители только улыбаются и всё глядят на царя — любуются. Да все кругом любуются им. А он взял саблю и стал её сгибать — проверять, значит, стал, хороша ли наша сталь. А сабля с трудом ему поддаётся и так блестит на солнце! А царь улыбается — доволен, видать. И все кругом улыбаются. Ох и красиво было! У меня в глазах, помню, даже солнечные зайчики запрыгали от её блеска! Это самое моё яркое воспоминание из детства... ЛАКОМСТВА Кажное воскресенье всей семьёй ходили в церкву. Надевали всё чистое, нарядное... После обедни всегда первым делом шли на базар — это было как закон. Там папа всем покупал обновы и угощения. А на базаре всего было цельные горы: горы конфет всевозможных, горы орехов всяких, шоколада, пряников, мармелада, ягод и ещё чего только не было! И всё лежало не просто кучками, а цельными горами! Сейчас такого изобилия нет, конечно. И вот наберёт папа всяких лакомств и тогда уж домой идём на праздничный обед... А после обеда выходили на улицу, садились на лавочку и лакомились: ели сладости кто сколько хотел — ограничения ни в чём не было. Наедались всего до следующего воскресенья. И каким всё было вкусным, не передать словами! Сейчас-то вы не знаете настоящих лакомств: настоящих конфеток, пряников. А вот я в своё детство уж полакомилась. Да, таких лакомств больше нет и никогда не будет. Мне вас даже жалко... ВЫДУМКА КОММУНИСТОВ Папа робил на заводе. Не скажу, чтоб много зарабатывал: жили скромно, но всегда все были сытыми. И кажную неделю обновы покупал, гостинцы всем, угощения. Мыться в баню ходили кажную субботу. Кажный месяц отцу мыло выдавали на заводе. Помню, вот такие большие куски! Мама их всегда резала ножом на мелкие кусочки... Хорошо жили при царе. Это всё коммунисты выдумали, будто при царе простой человек плохо жил. Ничего подобного — не правда это! Кто хорошо робил, тот и жил хорошо. А плохо жили только лентяи, да забулдыги. Они вечно попрошайничали, да под заборами валялись в грязи. Они-то, энти самые первые лодыри, да всякая пьянь подзаборная, и стали главными, когда советская власть-то пришла! Вот так... СТИХОТВОРЕНИЕ Когда мне годков десять исполнилось, стала я служить в девках у господ. Хорошие были господа, ничего плохого не скажу, добрые, образованные. Глава-то был каким-то начальником на железной дороге. Строгий был, но никогда не то, чтобы ругаться, голоса даже не повышал. Дети одного его взгляда боялись. Если провинится кто бывало, отец только лишь глянет на его и энтого было

достаточно. Вот каков был! Зато уж и уважали его дети, не то что сейчас. А детей было много... Кажный вечер дети садились в гостиной, и отец читал им сказки, стихи. Меня тоже садили и я слушала. Ох, и интересно было! Что-то запоминала, но стихи забывала. Но одно стихотворение, помню, как услышала, сразу запомнила и до сих пор помню. Вот уж больше восьмидесяти лет прошло с тех пор, а я до сих пор помню его. Вот чудо-то! Потом уж я узнала, что это стихотворение Пушкина: «Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя...» Всю жизнь это стихотворение со мной. Вместе с молитвами его читаю... ВЕЧЁРКИ Когда мне двадцать годков-то стало, старший брат разрешил ходить на вечёрки: отца-то уж не было в живых. Собиралась молодёжь вечерами за околицей. Лавочки там были, беседки, качели. Песни пели, хороводы водили... Но не вместе с парнями-то: девицы — в одной стороне, парни — в другой. Посматривали друг на друга. Выбирали... Там и знакомились. А где ещё было знакомиться-то, больше негде было. На одной из вечёрок подсел ко мне Иван с закрученными усами. Видный такой. К нему многие молодки приглядывались. — Что, — говорит, — Маня, одна скучаешь? Пойдёшь за меня? — Пойду, — сразу ответила. И как это у меня так получилось, даже сама не поняла. Ну, да уж поздно было! На следующий день сваты пришли. Ну и порешили... МАГНИТКА Свёкор-то со свекровью жили в Александровке — это в десяти верстах от Магнитки. Там и все братья, и сёстры мужние жили. Большая у них была семья, дружная, работящая. Девки-то были уж больно красивыми. Но Иван Палыч всегда говорил, что краше моей Мани нет на всём белом свете, вот так! При царе-то хозяйство у их было большое: коннозаводчиками ведь оне были... Поначалу-то мы там стали жить вместе с ними, в Александровке. А потом отделились — перебрались сюда на Магнитку. Свёкор нам выделил лошадь с подростком, тёлку, бычка, пару овец и остальной мелкой живности. Мы, можно сказать, были первыми поселенцами на Магнитке. Она только ещё зачиналась: только-только шахту открыли на Протопоп-горе — руду там железную стали копать, железную дорогу стали строить... Выбрали самое красивое место на высоком берегу Кусы-реки и поставили дом. Вначале небольшой, а потом уж как семья стала расти — достраивали. Река-то широкой тогда была, глубокой, полноводной, не то что сейчас. Лес по ней сплавляли, баржи ходили. Весной разливалась так, что берега было не видно. А рыбы сколько было! Щук, да налимов ловили с метр. Можно было прямо со двора удочку забрасывать. А за рекой-то лес был. Это сейчас деревня, а по-первости-то лес густой был. Ходили туда по грибы, да по ягоды. А за лесом-то энтим, туда, ближе к Шунге-реке, жил отшельник один по фамилии Мурзин — дед такой косматый, нелюдимый был, не разговорчивый. Веры он был старой, потому и ушёл от людей в лес. А когда шахта появилась, так об нём и узнали все. Путники-ли или энти самые геологи стали к нему по-пути-то заходить. Он примал, потчевал. Так и прозвали потом то место, где он жил, Мурзинской заимкой. И по сей день так зовут... А Магнитка бурно развивалась.

Жизнь кипела. Весело было. Хотели даже город из её сделать. Даже название придумали — Титаногорск. Но то ли война помешала, то ли геологи энти самые ошиблись, что руды-то меньше оказалось, чем думали, в общем так и осталась она посёлком городского типа... СТАРИК Затопила печь. Дети уснули. Уж смеркалось. «Дай, — думаю, — сбегаю к Нюре, пока мужа нет» Подхожу к развилке, смотрю: старик стоит на повороте, на том самом, как к её дому-то поворачивать. Высокий такой, худой и весь белый. Стоит, значит, и смотрит на меня. И путь мне загораживает, будто не пускает меня. Встала я и не смею идти дальше. — Здравствуйте, — говорю ему. — Здравствуй, — отвечает мне. — Ты, — говорит, — Марья, поворачивай обратно: у тебя дома дела! И смотрит так строго на меня, даже глаза нахмурил. А на улице-то уж темно и никого больше, только я, да он. Ох, как я испугалась тогда, даже затряслась вся. Повернула и, не помня себя, бегом обратно домой! А в избу-ту забегаю, а у меня дрова у печи горят. И пламенем уж вся стена объята. Я только ахнула. Схватила ведро с водой и окатила полымя-то. И разом всё погасло, как не бывало! Слава Богу, с детьми ничего плохого не случилось — как сопели носами, так и продолжали посапывать. Потом я всё вспоминала старика того: где же я его видела, уж больно знакомое лицо его было. А на Ильин день поехала в церкву Казанской иконы Божьей Матери в Кусу. И первым делом — к иконе Николая Угодника. Глянула на Николая-то Угодника — вылитый тот самый старик! У меня ноги-то сразу и подкосились. Упала я на колени перед иконой-то и стала молиться... САМОЕ ТЁПЛОЕ МЕСТО У МУЖЧИНЫ Как и у тебя, у дедушки твоего — мужа моего — всегда очень мёрзли руки. С молодости он ими страдал. И никакие рукавицы не помогали! А какие я ему только не шила: и на кроличьем меху, и из овчины... А представь, мороз за тридцать и надо дрова пилить, дети ведь малые были. И никто ведь не распилит, кроме нас! А у него руки не работают — замёрзли: болтаются, как обрубки красные и ничего он ими сделать не может. И что ты думаешь, в единственном только месте он их мог отогреть — у себя между ног под мошной! Вот так только мог и работать: застынут руки — сразу туда суёт. Отогреет там — снова может работать! Говорил, что это самое тёплое место у мужчины! Вот так... БУДЁНКА Молодой-то я одна на Таганай бегала — будёнкой: энто туда и обратно в один день. Корову подою утром, скотину отведу в стадо и бегом на Таганай. К обеду добегала. Бруснику с голубикой быстро наберу и бегом обратно. Как раз к стаду и возвращалась. Так вот и бегала в неделю по три раза, а то и больше. А это вёрст сорок за день пробегала, не меньше! Я тогда вообще не знала, что такое усталость... ДЕД НА КОНЕ Когда прадедушка-то твой помер — Павел Иваныч — отец мужа-то моего, где-то день на десятый стал являться к нам во двор дед на коне. И уж больно этот дед был похож на свёкра Павла Иваныча. Прискачет, значит, он, развернёт коня к окнам и кричит: — Давай, открывай! Выходи! Поехали кататься! И такой он красивый был, такой лихой, такой сильный, с таким румянцем на щеках! А какой он был весёлый, как

смеялся! Глаза горели! Зубы белые-белые и все ровненькие! Усы пышные, закрученные кверху, как Павел Иваныч любил! В первый раз, как увидала его, я чуть в обморок не упала. Но сразу кинулась к дверям: меня будто что-то подтолкнуло. Заперла все двери, занавесила окна, а детей отвела в другую комнату. Встала на колени перед иконой Божьей Матери и начала молиться. Молилась, пока деда этого не стало. И вот такое повторялось подряд несколько дней. А в последний день он снова прискакал. Конь его на дыбы, помню, встал, заржал. И он снова закричал: — Ну, давай, открывай! Выходи! Поехали кататься! Не успела я опомниться, смотрю, старшая дочь — Катерина — побежала ему открывать. Да ещё закричала: — Деда! Деда приехал! Я за ней. Хвать её за руку и говорю ей: — Ты что, забыла, что деда мы схоронили? Нет деда! В могиле он! А енто дух нечистый! Заперли мы снова все двери, занавесили окна, стали все молиться. Вскоре деда на коне не стало. И больше он к нам не являлся... ВОЙНА В том годе воронья было много. Да корова околела у Нюры — сестры-то родной Иван Палыча. Как раз перед войной-то околела. А Бог его знат, от чего. Поела чего или порча была какая... Объявили всем, что война началась. Стали мужики уходить. Да, с песнями уходили. Думали, что война-то быстро закончится. Говорили: «Через недели две встречайте с победой!» А когда похоронки-то стали приходить, вот тут-то не до песен стало: поняли, что дело-то серьёзное, вот. И вместо песен-то по деревне только один рёв бабский стал слышен. И помрачнело как-то всё — и деревня, и природа, и лица... Дедушка-то твой, Иван Палыч, кажный божий день верхом на коне скакал в военкомат, всё просился, чтоб его так и забрали вместе со своим конём. И чтоб обязательно в армию Будённого. Уж, как он просился! А его никак не забирали, говорили, что не строевой ты, трудись в Леспромхозе. А он на следующий день снова просился. И на следующий день... Мешок-то с сухарями, да с бельём всегда лежал у его наготове... А в один день дают ему там в военкомате пакет и говорят: — Вот тебе, Старков, пакет очень важный. Срочно доставь его районному комиссару. Это тебе военное задание такое! Ну, он и полетел на своём крылатом коне! Восемнадцать вёрст, как один миг пролетели, рассказывал. Доставил он, значит, пакет, а комиссар-то открыл его и читает при нём: — Старков Иван Палыч не годен к строевой службе по причине болезни. Прошу приказать ему не проситься больше на фронт, а продолжать трудиться в Леспромхозе во имя нашей победы! Вот после этого он и перестал проситься... Помню, продукты были американские. Ох, и вкусные! Тушёнка, а сыр-то какой! Я такого больше никогда не ела. Такой ярко-ярко жёлтый! Такой мягкий, сочный, ароматный! В железных круглых банках был. И вот, откроешь банку, а аромат по всей избе разливается. Начнёшь резать его вдоль, а нож прямо сам движется... Помню, сало было в банках железных. Белое-белое, а нежное какое! Дочь старшая, Катерина, поела его, да лишку — дурно стало. После этого она на него даже смотреть не могла... Нет, мы не голодали: корова, слава Богу, хорошо доилась,

картошки было до сыта. Садили по три огорода. Конечно, сдавали половину, но нам хватало... Молилась я кажную ночь. За всех молилась: за воинов наших, за детей... Страшно, конечно, было, ведь дети-то были ещё малые: Коля, Зоя, Толя, мать твоя. Она-то вообще только ходить начала. Как, думала, жить-то дальше будем, особенно по началу-ту, ведь неважные дела-то были на фронте... Дедушка-то, Иван Палыч, по двенадцать часов робил, а то и домой вовсе не возвращался: всё лес возил на лошади-то. А я в леспромхозовской столовой робила, хорошо Катерина была уже взрослой, так было на кого оставить детей малых... В ту весну мы ждали победу кажный день. Никто не сомневался, что войне немного осталось. Кажный день ходили слушать радио на площадь. А всё-равно, хоть и ждали, а как узнали, что победа, так заревели все от радости... Война многих наших отняла: двоих братьев Иван Палыча, племянников, других сродников. Война-то в кажную семью вошла: у кого отца, у кого брата, у кого сына или дочь отняла. Ох, не дай Бог снова такое пережить. Не дай Бог... СВЕЖИЕ ОГУРЦЫ И ЖАРЕНЫЙ НАЛИМ Самое моё любимое кушанье — свежие огурцы. Вот ничего мне больше не надо, кроме свежих огурчиков! Ни солёные, ни малосольные, а вот именно свежие! Это моё самое первое питание. Если не поем их, хотя бы день, уже себя не так чувствую... Зимой, конечно, приходится страдать без их. Зато уж, как пойдут свежие огурчики, так наесться не могу! А ещё налима жареного люблю. С молодости... Помню, как-то сильно захворала я. Впервые так сильно захворала. То ли давление у меня было, то ли простыла или ещё что... порча какая... За врачом-то поехали в Кусу, да то ли не было его, то ли занят был — так и не приехал. А я, вообще-то, к врачам никогда не обращалась. И таблеточки никогда никакие не примала. И не знала их, и до сих пор не знаю. Всегда только одними травками лечилась, да цветочками. А тут и оне не помогают! В общем, сильно захворала: ничего не могла делать, сил не было, даже говорить могла с трудом. Слегла. Уж готовиться ко смерти стала. Дедушка-то твой уж как ухаживал за мной! А как плакал! Всё говорил, что без меня ему не жить... И вот, значит, лежу я, хвораю, кушать ничего не кушаю, даже огурцов не надо стало. И вдруг мне сильно-сильно захотелось жареного налима. Вот, до смерти захотелось! Вот ничего не надо, а жареного налима надо стало! Сказала дедушке твоему: «Хочу жареного налима. Где хочешь достань, не-то помру!» Он побежал ловить. А весна поздняя тогда была. Холодно было. Вода-то в реке ледяная. В общем, помучился он со своими руками-то, но споймал одного, всё-таки, — Бог помог! А как споймал, пожарил. Съела я всего лишь один кусочек и сразу легче стало. А на следующий день и вовсе выздоровела! Вот такая история. Видать, налим-то — целебная рыба. Вот так... ЦВЕТОЧКИ Об лекарстве-то ентом от свекрови узнала, ещё в Александровке когда жили. Мы с ей, да с дочерьми её ходили за ентими цветочками, как только снег сходил на полянках — за первым цветом, значит. Подснежниками их ещё зовут в народе. Наберём, значит, их и домой. А дома в котёл их плотно набьём и в хорошо протопленную

русскую печь ставим на сутки. Оне соку дадут. Потом ентот сок по горшкам разливаем... Так с тех пор и делаю енто лекарство. Не один уж век ему, получается. Прадеды и про-прадеды наши им лечились. А силы в нём целебной страшно подумать сколько! Мне вот лично оно очень помогает. Только им и живу: вот нога, допустим, заболит у меня или плечо заноет, или бок кольнёт — сразу цветочками мажусь. Вот, два-три раза помажусь — всё проходит! Или желудок расстроится, ну съем чего-то не того, то буквально пол чайной ложечки приму — сразу как рукой снимет! Вот так! Нет лучшего лекарства кроме цветочков! Люди-то раньше не глупые были: знали, чем лечиться следует... КРЕСТИК Когда старшего сына, Пашку, посадили (он машину с лесом утопил по весне), зашила я ему крестик в кальсоны. Потом он, когда вернулся, мне рассказывал: ночью в тюрьме пожар случился; все в одних трусах выбежали из барака; всё сгорело дотла, живого места не осталось, лишь один только лоскуточек не сгорел, тот самый, где был зашит крестик! Вот и думайте: есть Бог или нет его... РАСПУТЬЕ На покосе жили недели по две. А бывало, что и дольше. Мужики робили, конечно, хорошо, но и пили тоже, конечно, хорошо. А за водкой ездили верхом или в Александровку, или на Магнитку — енто в разные стороны. Никак я не могла уследить за ими. Только отвлекусь, как кто-нибудь уже ускакал. Выбегу я тогда на дорогу и не знаю в какую сторону бежать. Пробегу в одну сторону, прислушаюсь — не слышен топот и пыли не видать от коня. Тогда побегу в другую сторону — снова тишина и нет пыли! Я снова побегу в другую сторону. Так и носилась по дороге то в одну, то в другую сторону по нескольку раз! А мужики, знай себе, только смеялись надо мной! Когда уж пойму, что бесполезно метаться, сяду тогда на распутье и стану дожидаться возвращения... В общем, вдоволь тогда мужики забавлялись надо мной! Мне, конечно, не деньги было жалко. Одного хотела: чтобы пили меньше. А на водку денег никогда было не жалко. Вот на всё было жалко, а на водку не жалко! Почему так — не понимаю... ДЕДУШКА Дедушка твой, Иван Палыч, весёлый был. Никогда не унывал. Никогда не ругался. Никогда слова грубого от него не слышала. Попивал, конечно. Ну, а как было не пить, если он всегда при лошади был. Да ещё безотказный был: всем помогал. Вот его и угощали все. А выпьет — пляшет, песни поёт: Ах, ты шутиха-машутиха моя, Полюбила ты лоскутика меня! Лоскуточки трепещутся, Как осинки листья плещутся... С работы едет — далеко его слыхать: лежит на телеге и песни поёт, а лошадь сама домой идёт... Пьяного-то я его ругала, конечно. Ругаю, значит, его, а сама за дверную ручку держусь. Вот, чуть он в мою сторону двинется, я сразу — шурк за дверь! Потом, немного погодя, зайду в избу тихонечко и снова ругаю его, а за ручку-то держусь. Он снова чуть только двинется в мою сторону, я сразу — шурк снова за дверь! Вот так и бегала... А вот чтобы трезвого поругать — никогда не смела. А потому что боялась его, трезвого-то... Как увидал отца твоего, сразу полюбил его. — Заходи, заходи! — закричал. — Как звать-то тебя? Любу, значит, мою

полюбил? Маня, давай угощай будущего зятя! А потом всю жизнь гордился отцом-то твоим. Всем говорил: — У меня зять умнай! У него башка, как у Ленина! Помню, на третий день свадьбы привёз цельную телегу пива в бутылках. — А ну, — закричал, — Люба, Игорь, поехали кататься! И катал их долго по деревне! Далеко их было слыхать: смеялись, песни пели... А незадолго до смерти ослеп. И лошадей пришлось продать. Но кажное утро также, как и всегда, ходил в стайку, где жили лошади. И там нюхал сбрую, гладил дугу, ласково разговаривал, как-будто со своей любимой Пеганкой. Я за им подсматривала тихонечко в щелочку. И не раз замечала на его щеках слёзы... Хороший был у тебя дедушка... НАКАНУНЕ ПЕРВОМАЯ Дедушка-то твой, Иван Палыч, помер накануне Первомая. В тот день ждали твоих родителей с дочкой — Любу, Игоря и Нелю. Они должны были из Кусы приехать к нам на праздник. Неленьке-то было четыре годика, а тебя-то ещё и вовсе не было... Встал дедушка с утра и говорит: — Сегодня дети приедут. Пойдём, Маня, в парикмахерскую: подстричься мне надо, да побриться. Пошли, значит, мы с ним тихонечко, он ведь слепым был. Я, значит, веду его, а он мне всё о детях, да о внуках говорит, дескать, какие мы, Маня, с тобой счастливые: столько у нас детей, да внучат... Как лесопилку-ту стали проходить, соседка повстречалась. Я на минутку только задержалась с ей. А дедушка-то, как шёл, так и продолжал идти. Вдруг смотрю, он упал. Я — к ему. — Ваня, Ваня! — кричу. А он уж и не дышит. Вот так и не стало твоего дедушки... А после обеда дети приехали. Только приехали они не на праздник, а на похороны... Да, вот если бы дожил дедушка до твоего рождения, ух, как бы он тебя любил! СОЛНЦЕ Ох, и солнце сегодня было — не описать словами! Девяносто лет живу на свете, а такого ещё не видала! Даже не знаю, как тебе описать... Вышла я по-воду, глянула на солнце, а оно красное, словно кровавое! Я даже испугалась вначале. Встала, как вкопанная и ноги не идут. И глаз не могу оторвать от него. А оно вдруг из красного, стало синим. А потом вдруг стало оранжевым. А потом вдруг зелёным. А потом сиреневым, алым, фиолетовым, золотым, голубым... А потом ещё каким-то! То вдруг пятнами разноцветными начнёт сверкать, то вдруг какими-то кольцами. Я и цветов-то таких никогда не видывала! Как только оно не сияло! Как только оно не переливалось, будто играло! И так ярко, так красиво! Всеми цветами радуги! Просто чудо какое-то! Я всё стояла с вёдрами и с открытым ртом, и любовалась! И глазам своим не могла поверить! А потом вдруг оно снова стало обычным... У кого бы не спрашивала потом — никто не видал такого чуда сегодня, такого светопреставления. Выходит, одна только я видала! Вот так... Степногорск, 12.10.2019 электронный адрес: kostyanpiter@rambler.ru